

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА,¹⁾

1789—1848.

III.

Аракчеевъ уволенъ отъ званія военнаго министра.—Барклай де-Толли.—Ермоловъ.—Безразсудная отвага офицеровъ.—Сухожанецъ.—Объявленіе о войнѣ съ французами.—Дѣло подъ Видзами.—Рахмановъ и гр. Ожаровскій.—Движеніе Депрерадовича въ Смоленску.—Спасеніе тещи и невѣсты.

1810 — 1812.

Въ маѣ 1810 года возвратился я въ Петербургъ. Припоминаю забавный анекдотъ съ однимъ изъ моихъ товарищей, поручикомъ Базилевичемъ. Высокаго роста, широкоплечій, красивый собою; но довольно ограниченный, онъ имѣлъ привычку, возвращаясь съ какихъ-либо маневровъ, шутливо рассказывать всѣмъ о своихъ продѣлкахъ; подобнымъ образомъ, при обратномъ переходѣ съ Смоленскаго поля въ казармы, на Исакиевскомъ мосту, онъ подъѣхалъ ко мнѣ и спросилъ: «Видѣлъ-ли ты какъ сегодня государь, проѣзжая мимо меня, обласкалъ меня, поклонился,—и ни слова не сказалъ тебѣ!» Едва онъ успѣлъ кончить эти слова, сзади подъѣзжаетъ, верхомъ, командовавшій бригадою полковникъ, Эйлеръ, и самымъ жесткимъ голосомъ говоритъ Базилевичу: «Александръ Ивановичъ! Государь императоръ приказалъ васъ арестовать на 24 часа и посадить на арсенальную гауптвахту за то, что вы очень рано отерли пальбу изъ вашихъ орудій, когда еще не построились колонны въ атакѣ!» Это насъ всѣхъ такъ разсмѣшило, что у насъ обратилось въ пословицу, когда кого-либо

¹⁾ См. «Русскую Старину», томъ IX, 1874 г., февраль, стр. 207—244.

посадить подъ арестъ, говорить: «его обласкали какъ Базилевича....»

Въ августѣ или сентябрѣ того же 1810 г. гр. Аракчеевъ передалъ званіе военнаго министра Барклаю де-Толли и былъ причисленъ состоять при особѣ государя. По этому случаю, онъ давалъ, такъ называемый, прощальный обѣдъ корпусу офицеровъ гвардейской артиллеріи, единственный, сколько запомню, во все время моего служенія съ нимъ; ибо съ этого времени онъ уже рѣшительно не вмѣшивался ни въ какое служебное отношеніе по бригадѣ. Послѣ обѣда, перейдя въ другія комнаты, мы съ жаднымъ любопытствомъ читали въ особой книжкѣ собранныя собственноручныя записки къ Аракчееву государей Павла и Александра и, какъ кажется, книжка эта съ умысломъ была оставлена на столѣ въ гостинной. Множество записокъ изъ этого числа были сокрыты подъ бумагою, съ приложеніемъ по угламъ печати Аракчеева, другія же лежали сверху, на виду. Теперь не припомню содержанія многихъ изъ нихъ, кромѣ писанной карандашемъ государемъ Павломъ Петровичемъ, слѣдующаго содержанія: «Баронъ! кто такой дуракъ, который маршировалъ сегодня въ вахтъ-парадѣ, въ зѣмкѣ такого-то звѣзда?....»¹⁾

Ген.-маіоръ Касперскій, еще въ началѣ 1811 года, уволенъ былъ въ отпускъ для излеченія болѣзни, и въ его отсутствіе командовалъ бригадою полковникъ Эйлеръ. Бывши ротнымъ командиромъ, онъ занимался фронтвою службою, какъ мы тогда называли, «педантски», т. е. со всѣми малѣйшими подробностями; а какъ, въ продолженіе двухъ военныхъ кампаній, въ сраженіяхъ подъ Аустерлицомъ и подъ Фридландомъ, онъ заслужилъ репутацію не лестную для война, то сослуживцы его крѣпко за это не любили. Но какъ удивился я, когда, возвратясь изъ похода моего въ Галицію, я засталъ его уже командующимъ бригадою и услышалъ отзывы своихъ товарищей, что Эйлеръ совершенно переѣнился, изъ педанта сдѣлался, такъ-сказать, товарищемъ для офицеровъ; расположеніе офицеровъ къ себѣ онъ удержалъ до конца своего командованія; а ко мнѣ онъ даже былъ особенно внимателенъ.

¹⁾ Письма и записочки императора Павла къ Аракчееву перепечатапы въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., т. VII, стр. 477 — 490) съ секретнаго Аракчеевскаго изданія; упоминаемая Жиркевичемъ записка императора Павла Аракчеевымъ не напечатана.

Въ первыя числа сентября 1811 г., пріѣхалъ въ Петербургъ ген.-маіоръ Ермоловъ. Онъ тогда былъ еще командиромъ конной роты, которую, однакоже, сдаль, по новому положенію, другому шт.-офицеру и потому считался только по артиллеріи. Во время прошедшихъ войнъ съ французами, Ермоловъ и кн. Яшвиля составили себѣ громкую репутацію первыхъ артиллеристовъ по арміи, хотя были оба совершенно отличны и образованіемъ, и храбростью. Яшвиля—грузинъ, пылкій, болѣе невѣжда, нежели образованный, но не глупый, опытный и отчаянно заносливый въ сраженіяхъ. Ермоловъ же, напротивъ, твердый, скрытный, необыкновеннаго ума, съ познаніями обширными и теоретическими, и практическими, въ сраженіяхъ примѣрно хладнокровенъ. Оба они относительно насъ, гвардейской артиллеріи, отзывались весьма не лестно и въ особенности о нашихъ полковникахъ Эйлеръ и Ляпуновъ; даже слухъ носился, что Ермоловъ, при ретирадѣ подъ Фридландомъ, нагнавъ обѣ батарейныя роты, которыми тогда они командовали, иссалъ хотя одного изъ нихъ, громко угрожая ударами нагайви. А теперь вдругъ и неожиданно Ермоловъ назначается командиромъ гвардейской артиллерійской бригады. Это случилось въ тотъ самый день, когда получено было предписаніе отправить меня немедленно въ Смоленскъ проселочною дорогою на Старую-Русу, Холмъ, Торонецъ и Духовщину, на встрѣчу артиллерійскимъ рекрутскимъ партіямъ, направленнымъ уже изъ Смоленска въ Петербургъ по описанному тракту, съ тѣмъ, чтобы я оныя обратно отвелъ къ Смоленску. Получивъ въ тотъ же день всѣ бумаги, я, на другой день, когда прочіе офицеры представлялись Ермолову, хотя еще не выѣхалъ, не счелъ, однако, нужнымъ ему являться. Онъ спросилъ обо мнѣ и выразился: «Знаю, это тоже любимецъ Аракчеева!»

Я незнаю, почему тогда считали всѣ, будто Аракчеевъ, съ удаленіемъ отъ военнаго министерства, впалъ въ немилость, когда, напротивъ, онъ сдѣлался совершеннымъ подручникомъ государя, не только по военной части, но и вообще по всѣмъ государственнымъ дѣламъ. Обо всемъ этомъ я узналъ уже послѣ, на походѣ, отъ товарища своего, особенно меня любившаго, Вельяминова, который въ это время былъ въ одномъ чинѣ со мной, т. е. поручикомъ.

Первымъ приступомъ Ермолова было, такъ называемое имъ,

очищеніе бригады. Онъ сталъ жаловаться инспектору, что напелъ большой застой въ производствѣ по бригадѣ; что онъ желалъ бы очень подвинуть впередъ нѣкоторыхъ, лично ему извѣстныхъ или по храбрости, или по образованію своему, для чего онъ почитаетъ весьма удобнымъ такъ называемыхъ «фронтовиковъ» перевести въ армію, гдѣ они съ пользою могли бы употребляться къ приготовленію запасныхъ войскъ. На первый разъ онъ предложилъ перевести въ армію полковниковъ Эйлера и Ляпунова; капитановъ Саблина, Фриша, Королькова и Сукина. О низшемъ разрядѣ офицеровъ на этотъ разъ онъ умолчалъ. Инспекторъ, по соглашенію съ Аракчеевымъ, убѣдилъ, однакоже, Ермолова, что Эйлеръ ему необходимъ, какъ помощникъ по фронту, а остальные всѣ тотъ же часъ были переведены въ другія бригады. Это сдѣлалось не болѣе какъ въ двѣ недѣли со дня принятія Ермоловымъ бригады, а черезъ недѣлю пришло обо мнѣ предписаніе, чтобы меня считать въ отпуску на 3 мѣсяца со дня окончанія моего порученія,— что крѣпко Ермолову не понравилось, и онъ еще болѣе возымѣлъ противу меня предубѣжденіе, такъ что, когда Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, котораго онъ предпочиталъ всѣмъ, принявъ во вниманіе свое, сталъ меня хвалить ему, какъ хорошаго офицера, любимаго всѣми товарищами, онъ никакъ этому не хотѣлъ вѣрить, ссылаясь, что я непростительно и посредствомъ интриги уклонился отъ моего съ нимъ знакомства, тогда какъ я былъ долженъ искать его, еслибы я былъ дѣйствительно такимъ, какимъ меня описывалъ Вельяминовъ.....

Въ Петербургѣ я вернулся изъ отпуска въ послѣднихъ числахъ февраля 1812 г., а 5-го марта бригада наша выступила въ походъ, въ Вильно. Когда я явился къ Ермолову, онъ меня принялъ весьма сухо; а въ продолженіе похода, замѣтивъ, что я не имѣю ни верховой лошади, ни хорошей обмундировки, сталъ обращаться со мной еще холоднѣе и даже съ нѣкоторой небрежностью, что меня чрезвычайно огорчало, но я не находилъ средствъ пособить этому. Одно утѣшало меня, что Ермоловъ каждый день болѣе и болѣе сближался съ Вельяминовымъ и рѣдкій день проходилъ, чтобы не былъ въ квартирѣ у него, гдѣ всегда заста-
валъ и меня, ибо я могу похвалиться, что, преимущественно

предъ всѣми моими товарищами, пользовался дружбой Вельяминова.

Не доходя до Вильны, насъ остановили въ м. Даугелишкахъ, гдѣ мы простояли до послѣднихъ чиселъ мая 1812 г., а около этого времени пришли въ Вильну, гдѣ находился уже государь и гдѣ были дѣлаемы маневры. Когда мы стояли въ Даугелишкахъ, наша рота была расположена въ деревнѣ, отдѣленной отъ мѣстечка небольшимъ озеромъ, такъ что черезъ оное до штабъ-квартиры было не болѣе $\frac{1}{4}$ версты, а въ объѣздъ должно было ѣхать около 4 верстъ. Въ апрѣлѣ, когда уже въ полѣ снѣгу вовсе не было, но на озерѣ еще держался остатокъ льда, въ нашу роту пріѣхали въ гости изъ штаба наши офицеры: Вельяминовъ, Базилевичъ, Демидовъ, кн. Михаилъ Горчаковъ, адъютанты Ермолова: Фонъ-Визинъ, Поздѣевъ и бывший при немъ же ротмистръ Кавалергардскаго полка Римскій-Корсаковъ. Всѣ они были пріатели товарища нашего Аѳонасыя Столыпина. Пообѣдавъ хорошенько у насъ и по какому-то особому случаю спѣша возвратиться въ штабъ-квартиру, они замѣтили, что немного опоздали, тогда Столыпинъ вдругъ предложилъ ѣхать обратно черезъ озеро, взявши на себя быть ихъ вожакомъ. Сперва стали смѣяться такому вызову; потомъ, видя его настойчивость и насмѣшку съ выраженіемъ «струсили», и другіе стали требовать непременно ѣхать черезъ озеро, а у береговъ уже саженой на десять и льда не оставалось. Вельяминовъ и Поздѣевъ одни поѣхали въ объѣздъ, а прочіе, въ глазахъ нашихъ, сперва вплавь, а потомъ, проламываясь на каждомъ шагу, черезъ ледъ, побрели озеромъ. Ермоловъ, съ другаго берега, увидѣвъ въ окно это безразсудство, вышелъ въ нимъ на встрѣчу, и когда они перебрались, порядкомъ намылил имъ головы, грозилъ арестовать ихъ и отдалъ приказъ по пѣхотному гвардейскому корпусу, которымъ онъ уже тогда командовалъ, не оставляя начальства и надъ бригадой нашей, не называя, однакоже, именъ, но выставляя какъ безразсудный поступокъ, нисколько не приписывая таковой мужеству. Я здѣсь упоминаю это происшествіе не въ упрекъ Ермолову и не въ осужденіе, а для того, чтобы можно было судить о духѣ товарищей моихъ и объ образѣ мыслей моего начальника, котораго, при явномъ его нерасположеніи ко мнѣ, я не переставалъ въ душѣ уважать.

Во время маневровъ въ Вильнѣ, главнокомандующій 1-й западной арміею, военный министръ Барклай де-Толли, сдѣлалъ мнѣ очень строгое замѣчаніе, что я принимаю маневры не въ видѣ настоящаго сраженія, ибо, имѣя предъ собою, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, небольшое возвышеніе, при наступленіи, открылъ пальбу изъ орудій, не занявши этой высоты. Замѣчаніе вполне справедливое, по тактикѣ; но еслибы я, забывъ равеніе фронта, самовольно рѣшился податься впередъ и тѣмъ нарушилъ линію фронта, тогда, вѣроятно, дѣло со мной обончилось бы не замѣчаніемъ, а арестомъ, и меня вѣрно бы не спросили о самовольной моей выскокѣ, на сколько саженьей впереди отъ меня находилось упомянутое возвышеніе...

До поступленія моего въ канцелярскую службу, я пользовался необыкновенно хорошимъ зрѣніемъ, чѣмъ даже хвасталъ. Приготовляясь ко вторымъ маневрамъ подъ Вильною, наша бригада ночевала подъ монастыремъ на Антоколѣ, гдѣ было назначено сборное мѣсто. Это, я думаю, около 4-хъ верстъ отъ города. Собравшись въ кружокъ, мы стояли нѣсколько офицеровъ вмѣстѣ. Къ намъ подошелъ Ермоловъ и съ видомъ нетерпѣнія говорилъ о замедленіи нѣкоторыхъ полковъ и обратилъ наше вниманіе, что по другую сторону города, нѣсколько вправо, идетъ, вѣжета, какой-то полкъ, что можно было заключить по отблеску штыковъ на ружьяхъ.

— «Ну, господа», сказалъ Ермоловъ, «кто угадаетъ, какой это полкъ?»

Взглянувъ въ ту сторону, я отвѣчалъ: «должно быть, егеря!»

— «Почему ты это заключаешь?» сухо спросилъ онъ у меня.

— Другіе имѣютъ бѣлые панталоны,—отвѣчалъ я,—а этотъ весь въ темномъ.

— «Ну, братъ, на этотъ разъ я поймалъ тебя», возразилъ онъ мнѣ опять очень сухо. «Сегодня у насъ 15-е мая и всѣ полки въ бѣлыхъ панталонахъ; не хорошо, братъ, пули лить!»

Я покраснѣлъ, но повторилъ: «можетъ быть, я ошибаюсь, но еще разъ подтверждаю, что идущіе солдаты съ ногъ до головы имѣютъ одежду темную!» Прошло около часа времени; прошелъ мимо егерскій полкъ и въ зимнихъ панталонахъ. Ермоловъ сейчасъ поѣхалъ на встрѣчу и спросилъ, отчего не въ лѣтнихъ панталонахъ. Затѣмъ подѣхалъ опять ко мнѣ:

— «Виноватъ, товарищъ», сказалъ онъ, «признаюся въ этомъ и всѣмъ буду рассказывать, какое у тебя отличное зрѣніе: чуть-ли не за 5 верстъ отличилъ одежду!»

Егеря пришли прямо съ караула и потому одни они были въ зимнихъ панталонахъ.

Послѣ маневровъ мы опять отошли отъ Вильны и штабъ-квартира нашей бригады расположилась въ Свенцянахъ, а мы по окрестнымъ деревнямъ. Во время стоянки здѣсь, у Ермолова оже-ребилась его верховая кобыла; онъ приказалъ хорошенько отпойть жеребенка, а потомъ зарѣзать и зажарить; приглашая офицеровъ на это жаркое; онъ говорилъ, что хочетъ заблаговременно приучить ихъ ко всякой случайной пищѣ, такъ какъ, Богъ знаетъ, что придется еще ѣсть. Обстоятельство это мнѣ тѣмъ памятно, что Ермоловъ въ обѣду этому приглашалъ не только всѣхъ офицеровъ изъ штаба, но даже изъ близъ квартировавшихъ деревень, кромѣ меня, что меня ужасно потревожило и огорчило, ибо это было явное доказательство его ко мнѣ нерасположенія и небреженія.

Вотъ чѣмъ еще памятна для меня стоянка около Вильны. Въ 1808 г. къ намъ въ гвардію переведенъ былъ изъ арміи поручикъ Сухозанетъ тѣмъ же чиномъ, и какъ я былъ въ это время 4-мъ подпоручикомъ, то онъ сталъ мнѣ, какъ называютъ, «на голову». Въ 1809 г. я произведенъ былъ въ поручики, слѣдовательно недалеко отъ Сухозанета. Въ 1811 г., въ первыхъ числахъ февраля, Сухозанетъ, числясь адъютантомъ при кн. Яшвилѣ, переименованъ капитаномъ по артиллеріи и назначенъ командиромъ роты Яшвиля. Въ концѣ февраля того же года, артиллеріи, инженерамъ и вадетскимъ корпусамъ дано старшинство одного чина передъ арміею и вмѣстѣ сдѣлано производство и уравниеніе изъ маіоровъ и капитановъ въ подполковники, причемъ также произведенъ Сухозанетъ. Въ 1812 г., когда мы были въ Свенцянахъ, государь смотрѣлъ двѣ роты: батарейную 1-й бригады, полковника Глухова, старика лѣтъ 70-ти и имѣвшаго орденъ Георгія 4-й степени, и конную — Сухозанета. Послѣдняя ему такъ понравилась, а первая, напротивъ, такъ не понравилась, что онъ Сухозанета тѣмъ же чиномъ перевелъ опять къ намъ въ гвардію, а Глухова, для исправленія, предоставилъ подъ команду Сухозанета, а потомъ и вовсе лишилъ бригады и роты, и Сухо-

запять сталъ у насъ старше всѣхъ капитановъ. Въ декабрѣ, при производствѣ по линіи, онъ произведенъ былъ въ полковники, а въ маѣ за Бауценское дѣло получилъ чинъ генераль-маіора. Онъ былъ изъ кадетъ; выпущенъ въ 1804 г. 16-ти или 17-ти лѣтъ, а въ 1813 г., т. е., чрезъ 9 лѣтъ, на 25-ти лѣтнемъ возрастѣ, имѣлъ уже генеральскій чинъ и за Лейпцигъ ленту св. Анны. Не помню кто-то весьма остроумно выразился на этотъ счетъ, что онъ одного человѣка знаетъ только, который въ чинахъ шелъ шибче Сухозанета, и этотъ человѣкъ былъ Барклай де-Толли, который, въ 1807 г., командовалъ полкомъ въ чинѣ генераль-маіора, а въ 1814 г. былъ уже генераль-фельдмаршаломъ.

14-го іюня бригаду нашу собрали на гѣсныя квартиры въ штабъ, въ Свенцяны, и тутъ мы узнали, что французы перешли границу. Вечеромъ того же дня, возвѣстили намъ о скоромъ прибытіи государя и гвардіи. Для государя заняли квартиру въ небольшомъ домикѣ гр. Платера, на концѣ города. Для караула была поставлена пѣхотная батарейная рота его высочества. Всѣ офицеры бригады стояли на флангѣ, когда подъѣхалъ государь и вышелъ изъ коляски. Еще выходя, онъ поздоровался съ солдатами и громко объявилъ:

— «Поздравляю, господа, съ военными дѣйствіями, примемся работать! Французы перешли Нѣманъ въ Ковно 12-го числа, а теперь къ дѣлу!» Потомъ, поцѣловавъ Ермолова, присовокупилъ: «Будетъ работы, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновеннымъ человѣкомъ. Ну, какъ думаешь, Алексѣй Петровичъ, чья возьметъ?»

— «Государь», отвѣчалъ Ермоловъ, «мы имѣемъ дѣло, точно, съ необыкновеннымъ человѣкомъ, но все-таки съ человѣкомъ! Его надобно бить его же оружіемъ!»

— «Какимъ?» живо спросилъ государь.

— «Упрямымъ! *Le plus opiniâtre sera toujours vainqueur!*¹⁾ (Кто переупрямитъ, тотъ и выиграетъ!)»

— «Ну, что касается до этого», сказалъ весело государь, «то я съ нимъ готовъ буду поспорить», и потомъ сказалъ: «На что ты поставилъ мнѣ цѣлую роту молодцевъ для караула, отпусти; пусть отдыхаютъ, для меня довольно и десятерыхъ!»

¹⁾ Замѣчаніе Ермолова, какимъ оружіемъ можно побѣдить Наполеона, было сказано по-французски, весь же разговоръ, а равно и отвѣтъ государя на это замѣчаніе, происходилъ на русскомъ языкѣ.

На замѣчаніе Ермолова, что сейчасъ пришелъ Преображенскій полкъ и что не прикажетъ-ли государь смѣнить артиллеристовъ.

— «Не надо», сказалъ государь, «и они сберегутъ меня», — что намъ всѣмъ чрезвычайно польстило.

Я въ этотъ день назначенъ былъ главнымъ рундомъ. По пробитіи зари, когда я пошелъ съ патрулемъ обходить посты, я имѣлъ обнаженную шпагу. Войдя въ садъ, у двери, выходящей туда и отворенной, я увидѣлъ, что часовой задремалъ... А между тѣмъ, всѣ окна въ садъ были отворены. Съ одной стороны, не слыша овлика себѣ, а съ другой—при мысли о несчастіи, которое должно неизбежно постигнуть задремавшаго часоваго, если государь замѣтитъ сію небрежность, поставило меня, на минуту, въ затруднительное положеніе. Концомъ шпаги разбудилъ я часоваго, но тотъ такъ смѣшался и испугался за свою вину, что отъ робости все-таки не сдѣлалъ овлика, такъ что я былъ уже вынужденъ заговорить съ нимъ объ этомъ и, возвратясь на гауптвахту, приказалъ немедленно смѣнить этого часоваго, все еще не зная, довели ли о такомъ проступкѣ до начальства, или наказать его по домашнему порядку. Я пошелъ далѣе по городу и чрезвычайно обрадовался, встрѣтивъ на улицѣ государя въ одномъ скруткѣ и фуражкѣ, выходящаго изъ квартиры Аракчеева. По формѣ я окликнулъ государя и онъ, отозвавшись «солдатъ», сказалъ мнѣ, улыбаясь: «Я говорилъ, молодцы артиллеристы, знаютъ свое дѣло!» Это меня удивительно какъ облегчило; такъ что о винѣ часоваго, я никому другому, кромѣ его ротнаго командира, не объявлялъ и его очень милосердно наказали противу того, чего тотъ заслуживалъ за свой важный проступокъ. На другой день мы выступили на бивуаки и для насъ тоже началась уже дѣйствительная кампанія.

Первые непріятельскіе выстрѣлы, въ 1812 году, которые мы услышали вдалекѣ, были подъ Видзами. Туда, въ числѣ прочихъ раненныхъ, привезли мнѣ двоихъ знакомыхъ: полковника Рахманова, бывшаго адъютантомъ при Барклаѣ, до того издававшаго «Военный Журналъ», и гусарскаго поручика Фигнера, женатаго на воспитанницѣ Мордвинова, съ которымъ въ февралѣ я видѣлся въ Смоленскѣ. Рахмановъ былъ весьма боевымъ языкомъ. Государь посѣтилъ его и Фигнера. Съ государемъ былъ генераль-адъютантъ гр. Ожаровскій. Тотъ, что шутя надъ равною

Рахманова, у котораго картечью оторвало два пальца на правой рукѣ, поострился, сказавъ государю: «Rakhtanoff est rusi, rag ou il a rêché!» (Рахмановъ въ томъ наказанъ, чѣмъ грѣшилъ).

— «Берегитесь, графъ», возразилъ Рахмановъ по-русски, «этакъ не придется вамъ головы снести въ эту кампанію!»

Не помню, кто мнѣ рассказывалъ это: Вельяминовъ или кн. Горчаковъ, которые тутъ были у Рахманова, когда государь неожиданно посѣтилъ его и, несмотря на присутствіе императора, который самъ невольно улыбнулся, всѣ находившіеся тутъ засмѣялись; одинъ графъ Ожаровскій, какъ замѣтно было по выраженію его лица, не сообразивъ тотчасъ всю колкость отвѣта Рахманова, стоялъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица.

Изъ лагеря, подъ Дриссою, мы выступили въ первыхъ числахъ іюля 1812 года и шли черезъ Полоцкъ, въ Витебску, гдѣ, какъ слышно было у насъ, готовились дать сраженіе неприятелю. Первоначально мы расположились околѣ большой дороги, идущей въ Оршу, и съ того мѣста, гдѣ была расположена наша бригада, даже простымъ глазомъ видѣли происходившую, подъ мѣстечкомъ Островною, стычку съ неприятелемъ, а въ подзорную трубу очень хорошо можно было различать даже передвиженіе войскъ. Послѣ дневки перевели насъ на другую позицію, которая заслоняла проселочную дорогу, прямо идущую на Смоленскъ, черезъ Ліозну и Рудню, и тутъ уже мы были поставлены въ боевую позицію; но, простоявъ одни сутки, потянулись на Ліозну. Всѣ эти переходы и колебанія такъ уронили духъ въ войскѣ, что не только офицеры, но и солдаты начали роптать на главнокомандующаго Барклая.

Государь изъ-подъ Полоцка отбылъ отъ арміи въ Москву, чрезъ Смоленскъ.

Не помню теперь, какого числа, навѣрное между 10 или 15 іюля, когда мы стояли подъ Ліозною, вечеромъ, уже въ совершенныя сумерки, потребовали меня и моего ротнаго начальника, капитана Гогеля, къ генераль-лейтенанту Депперадовичу, командовавшему 1-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею. Въ его квартирѣ были собраны уже нѣсколько генераловъ и полковыхъ командировъ. Когда мы прибыли, какъ кажется, уже послѣдними, онъ объявилъ намъ, что онъ назначенъ начальникомъ особаго легкаго отряда, отправляемаго открыть дорогу арміи къ Смолен-

сву и, какъ предполагать должно, дорога эта, быть можетъ, занята уже неприятелемъ; а потому, всё мы должны ожидать жаркой встрѣчи съ незваннымъ гостемъ.

— «Хотя и», продолжалъ Дебрерадовичъ, «совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ готовъ жертвовать жизнію за государя и отечество, но рѣшился предупредить васъ о нашемъ назначеніи съ тѣмъ, что если кто-либо не чувствуетъ въ себѣ твердости идти на видимую опасность, то лучше бы и не шель въ этотъ отрядъ!»

Разумѣется, что подобнаго труса ни одного не оказалось

Мы отправились къ своимъ мѣстамъ въ 10 часовъ вечера; съ особенною предосторожностью и тишиною снялись съ бивуаковъ, какъ-будто неприятельская цѣпь насъ окружала въ нѣсколькихъ только шагахъ и выступили въ походъ на Рудню. Въ отрядѣ этомъ были полки: Кавалергардскій, Конногвардейскій, гвардейскіе егеря, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, сводный гренадерскій баталіонъ, конная гвардейская артиллерійская рота и наша 2-я легкая рота. Этотъ отрядъ шель съ такой быстротой, что когда приходили къ мѣсту отдыха, то изъ пѣхоты на бивуаки едва-едва вступало нѣсколько человекъ, но черезъ часъ или два молодцы-егеря и финляндцы бывали всегда уже въ полномъ комплектѣ. На отдыхахъ мы обыкновенно стояли три или четыре часа и, сваривши кашу, опять подымались въ походъ. Жаръ былъ нестерпимый и мы не болѣе какъ въ 38 часовъ прошли около 75-ти верстъ до Смоленска, безъ малѣйшей встрѣчи съ неприятелемъ. Третій раздохъ мы имѣли около удѣльнаго имѣнія «Приказъ Выдры». Я зналъ, что въ этомъ имѣніи очень часто бываетъ мой внучатный братъ Пирамидовъ, женатый на Лаптевой, сестрѣ моей невѣсты, ибо онъ служилъ по удѣльному вѣдомству. Поэтому я, по прибытіи на бивуакъ, отправился въ волостную контору отыскивать голову и распросить его, даю-ли былъ у нихъ Пирамидовъ, и когда и куда онъ уѣхалъ изъ Смоленска, а также не знаютъ-ли чего-либо объ Лаптевыхъ, которыхъ деревня была недалеко отъ Выдры. У головы квартировалъ Дебрерадовичъ. Каковъ же былъ сюрпризъ для меня, когда голова сказалъ мнѣ, что Пирамидовъ только нѣсколько часовъ какъ выѣхалъ отъ нихъ въ деревню, къ тещѣ своей, за 12 верстъ отъ нихъ, и что ни его семейство, ни семейство Лаптевыхъ во-

все не думали выѣзжать никуда. Это меня такъ сильно озадачило и напугало, что я тутъ же пошелъ къ Депрерадовичу просить позволенія отправиться тотчасъ же къ Лаптевымъ, вывезти оттуда мою невѣсту и всю родню въ Смоленскъ. Депрерадовичъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ, въ какую сторону лежитъ деревня?—и когда я сказалъ, что къ Днѣпру, онъ сперва мнѣ рѣшительно отказалъ, говоря, что хотя по другой сторонѣ и тянется цѣпь казаконъ, но что на это полагаться никакъ нельзя, что непріятель, мѣстами, можетъ очень легко пробраться на нашу сторону для розысковъ и что я тогда могу даромъ понасться въ плѣнъ. Но я сталъ его убѣдительно просить отпустить меня и онъ благословилъ меня, подтвердивъ, чтобы я самъ на себя пенялъ и не выдалъ бы извѣстія о томъ, что отрядъ нашъ идетъ на Смоленскъ.

Взявши у головы подводу, часовъ въ 10 утра поѣхалъ я въ Нолинцы (деревня Лаптевыхъ), куда и прибылъ въ самый полдень. Во дворъ господскій я долженъ былъ въѣхать аллею, такъ что можно было пріѣздъ мой видѣть еще сажень за 100 отъ дома. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, когда я въѣхалъ на дворъ, была огромная масса сухарей, приготовленныхъ для арміи и сушившихся на солнцѣ, а затѣмъ въ окнѣ я увидѣлъ все семейство Лаптевыхъ, сидящихъ за обѣденнымъ столомъ, и въ концѣ стола, прямо противъ окна, мою невѣсту, которая, вскочивши, закричала: «Ахъ! Иванъ Степановичъ пріѣхалъ!» Тутъ и другіе всѣ бросились къ окну, а потомъ и на подѣздъ, съ вопросомъ: что значитъ мой пріѣздъ изъ похода? Этотъ вопросъ мнѣ показался весьма страннымъ; но каково же было мое изумленіе, когда мать моей невѣсты и даже Пирамидовъ объявили мнѣ, что они вовсе не имѣютъ понятія ни о какой опасности; что они слышали, будто армія приближалась къ Витебску или Могилеву; но что около этихъ мѣстъ гдѣ-то было сраженіе и французы уже прогнаны назадъ; что на дняхъ государь былъ въ Смоленскѣ, смотрѣлъ тамъ 12-ть армейскихъ ротъ и рекрутонъ, всѣхъ успокоилъ и обнадежилъ; и что они вовсе не собираются и не думаютъ куда-либо выѣхать. Я, объяснивъ имъ причину послѣдствій, сталъ убѣдительно просить матушку тотчасъ же насъ добраться и въѣхать по крайней мѣрѣ, въ Смоленскъ, что составляетъ не болѣе 16-ти верстъ; тамъ она сама

могла удостовѣриться, что имъ никакъ нельзя долѣе остаться въ деревнѣ. Она же мнѣ объявила, что это вовсе не такъ легко сдѣлать, какъ я предполагаю, что она обыкновенно все лѣто живетъ въ деревнѣ, слѣдовательно, на лѣто у нея въ Смоленскѣ вовсе нѣтъ запаса; теперь же пора рабочая, мужики всё въ полѣ и отъ работы отрывать ихъ грѣшно. Въ дальній путь, съ семействомъ, ей ѣхать и вовсе нельзя: «На это нужны деньги, а у меня ихъ вовсе нѣтъ»—сказала она и потомъ прибавила: «Да что это, Иванъ Степановичъ, вы насъ пугаете, васъ вѣрно послали по какому-нибудь дѣлу въ Смоленскъ и вы хотите, чтобы ваша невѣста была ближе къ вамъ и потому всёхъ насъ за собой и тянете? Раненько, молодой человекъ, вздумали надо мной шутить».

Послѣ долгихъ и долгихъ убѣжденій, она по немногу начала давать вѣру моимъ словамъ, обѣщала подумать и дня черезъ два пріѣхать въ Смоленскъ на нѣсколько дней. Пробывши часа два у нихъ, отправился я въ отрядъ своему, въ деревню Ольшу. Когда я явился послѣ къ Децрерадовичу, онъ съ любопытствомъ сталъ спрашивать меня, что слышно около Днѣпра о французяхъ, но я удивилъ его моимъ рассказомъ и онъ мнѣ серьезно сказалъ: «Напишите сейчасъ къ вашимъ роднымъ, что я вамъ велѣлъ ихъ увѣдомить: они не могутъ оставаться въ деревнѣ и отправьте къ нимъ нарочнаго». Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить приказаніе генерала, и будущая теща моя, съ 4-мя дочерьми, изъ коихъ двѣ беременныя, съ двумя малютками, съ дворней, человекъ до 15-ти, безъ денегъ, безъ гардероба, безъ запасовъ на другой день, въ 5-ть часовъ утра, перебралась въ Смоленскъ; а черезъ полчаса послѣ ея выѣзда, въ деревню наѣхали свои мародеры и весь домъ повернули верхъ дномъ, такъ что оставшаяся дворня, а частью и крестьяне, бѣгомъ прибѣжали въ Смоленскъ и привесли вѣсть о томъ....

IV.

Смоленскъ.—Дер. Шеломецъ.—Барклай и Багратионъ.—Битвы 3-го и 4-го августа.—Предсказаніе объ иконѣ Божіей матери.—Пожаръ и отступленіе.—Общая несправедливость къ Барклаю.—Ошибки начальства.—Бородино.—Партизанъ Фитнеръ.—Первая побѣда.—Кафтанъ Мюрата.—Выговоръ.—Разсказы о Кутузовѣ.—Бѣдствія непріятельскихъ и нашихъ войскъ.

1812.

Въ тотъ же день, вечеромъ, подойдя къ Смоленску, безъ всякаго приказанія мы расположились на Покровской горѣ, а на другой день ввечеру и армія подошла, и мы заняли слѣдующую позицію: лицомъ къ Петербургу, такъ что лѣвый флангъ упиралъ въ Днѣпръ, а правый—примыкалъ къ дорогѣ на Духовщину. По другую же сторону Днѣпра, у Краснаго, позицію занимала дивизія Невѣровскаго. Тогда носились слухи, что Наполеонъ дѣйствительно приказалъ одному корпусу идти отъ Орши, усиленнымъ маршемъ, въ Смоленску, но что сіе не вышло изъ опасенія, ибо французы получили свѣдѣнія, что государь въ Смоленскѣ дѣлаетъ смотръ большому числу войскъ, при которомъ было не менѣе 200 орудій артиллеріи. Послѣднее было дѣйствительно справедливо. Это обстоятельство дало возможность 2-й арміи, которою командовалъ князь Багратионъ, соединиться съ 1-й. Багратионъ, въ чинѣ полнаго генерала, былъ старѣе Барклая; но послѣдній, кромѣ званія главнокомандующаго, носилъ еще званіе военнаго министра. Когда князь, предупредивъ прибытіе своихъ войскъ, пріѣхалъ часомъ или двумя ранѣе въ Смоленскъ, то въ ту же минуту отправился къ Барклаю; но тотъ, узнавъ, что пріѣхалъ Багратионъ, самъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, и оба, одинъ другому, предоставляли честь первенства. Но князь Багратионъ настоятельно самъ подчинилъ себя младшему, утверждая, что тотъ, какъ военный министръ, болѣе облеченъ довѣріемъ государя. Къ несчастію, между сими двумя главными военачальниками согласіе было непродолжительно.

Утвержденіе наше около Смоленска ознаменовалось тотчасъ событіемъ, не имѣвшимъ до того времени подобнаго себѣ въ арміи... Безпрестанное отступленіе отъ границы до Смоленска, какъ я уже говорилъ выше, возбудило ропотъ, но сверхъ того, оставляя большое пространство родной земли непріятелю, сол-

даты привыкли не только равнодушно смотрѣть на раззореніе своего роднаго края, но даже и сами тому способствовали, рассуждая: «лучше самимъ взять, чѣмъ отдать неприятелю». Они не считали для себя особенно важнымъ преступленіемъ, если по домамъ и оставленнымъ усадьбамъ и брали что-либо, и вотъ источникъ мародерства, для котораго на русскомъ языкѣ и названія не придумано. Около Смоленска оно дошло до чрезвычайности, и главнокомандующій, скрѣпя сердце, рѣшился самою строгою мѣрою положить тому преграду: Около 20-го іюля, при собраніи отрядовъ отъ каждой части войскъ, разстрѣляли 7 человекъ на Повровской горѣ. Говорили, что въ числѣ ихъ два человека, едва-ли виновные на самомъ дѣлѣ, подверглись той же участи. Они были уличены въ грубостяхъ военному полиціймейстеру, которому, по своему понятію, считали ни мало неподчиненными, ибо военная полиція была еще новость для цѣлой арміи и какъ бы что-то ей чуждое. Военные у насъ привыкли смотрѣть на полицію презрительно, и этотъ взглядъ былъ распространенъ, начиная отъ солдата до высшаго начальства.

До нашествія французовъ, въ самомъ Смоленскѣ жилъ мой зять, Фроловъ, служившій тамъ при военномъ госпиталѣ смотрителемъ; сестра же моя скончалась въ мартѣ мѣсяцѣ, когда мы подошли къ Смоленску. Зять я засталъ еще въ его домѣ, но онъ уже собирался выѣхать въ слѣдъ за моей матерью, которую я успѣлъ найти у моей тетки Адамовичевой, за Смоленскомъ, верстахъ въ 15-ти. Она перебиралась въ Дорогобужъ, къ родному своему брату, весьма на-легкѣ; такъ мало думали, чтобы французы пошли далѣе Смоленска! Да и мы мечтали, что, по соединеніи обѣихъ армій, дадутъ рѣшительный отпоръ неприятелю. Конечно, были люди, которые рассчитывали и на противные результаты.

Деревня моей матери была за Днѣпромъ, верстахъ въ 6-ти отъ Смоленска, и почти въ одномъ разстояніи отъ нашихъ бивуаковъ, не проѣзжая городъ. Мужички наши съ усердіемъ, ежедневно, таскали ко мнѣ живность и другіе занасы, пока мы стояли близко къ Днѣпру, и не только я, но и мои товарищи въ эту стоянку имѣли хорошее продовольствіе; кромѣ того, я каждый день, по нѣскольکو часовъ, проводилъ съ невѣстою, ибо семейство ея прожило въ Смоленскѣ дней десять, а потомъ отправи-

лось чрезъ Ельну въ Москву, незная рѣшительно, гдѣ и у кого со временемъ будутъ имѣть пристанище.

Близъ Смоленска мы простояли около двухъ недѣль. Разъ пять насъ подавали впередъ по береговой дорогѣ къ Витебску на Рудню и два раза доходили до деревни Гаврики, слѣдуя всегда на деревню Шеломецъ. А какъ въ каждой дислокаціи похода встрѣчалось это послѣднее названіе, то солдаты прозвали эти передвиженія «ошеломѣлыми», и дѣйствительно, мы сами не могли понять причину нашихъ маршей и контръ-маршей. Впослѣдствіи, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ при мнѣ рассказывалъ, «что тогдашнее наше положеніе до такой степени было сомнительно, что одинъ Богъ могъ распутать наши дѣла..... Наполеона потеряли изъ виду: то думали, что онъ обходитъ Смоленскъ и тянется боковыми путями на Москву; то — что онъ заслонилъ намъ Петербургъ и думаетъ дать туда направленіе всей своей арміи.»

— «Одинъ разъ въ Гаврикахъ», говорилъ Ермоловъ, «я былъ въ такомъ положеніи, что едва-ли когда кто другой находился въ подобномъ. Барклай сидѣлъ среди двора одного дома на бревнахъ, приготовленныхъ для построекъ; Багратионъ большими шагами расхаживалъ по двору, и ругали, въ буквальный смыслъ, одинъ другаго: «Ты нѣмецъ! тебѣ все русское ни почемъ», говорилъ князь. «Ты дуракъ и самъ не знаешь, почему себя ты называешь кореннымъ русскимъ», возражалъ Барклай. Оба они обвиняли одинъ другаго въ томъ, что потеряли изъ виду французовъ и что собранныя каждымъ изъ нихъ свѣдѣнія, чрезъ своихъ лазутчиковъ, одни другимъ противорѣчатъ! Я же въ это время» — добавилъ Ермоловъ — «будучи начальникомъ штаба у Барклая, заботился только объ одномъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ ихъ разговора и потому стоялъ у воротъ, отгоняя всѣхъ, кто близко подходилъ, говоря, что «главнокомандующіе очень заняты и совѣщаются между собой».

Наконецъ, 2-го августа, когда мы стояли въ паралель дороги на Духовщину, намъ опять объявили походъ на Шеломецъ и на Гаврики. Мы выступили вечеромъ, часовъ въ девять, всю ночь тянулись нога за ногу и едва прошли версть 10, какъ вдругъ, въ третьемъ часу утра, услышали пушечные выстрѣлы за Днѣпромъ и насъ опять повернули, усиленнымъ маршемъ, къ Смоленску. Французы, маскируя свои движенія, между Краснымъ и

Ладами, у мѣстечка Рососны, сдѣлали дѣйствительную переправу и ударили на Невѣровскаго. Я не буду описывать то, что уже извѣсто изъ реляцій и чего самъ не видалъ; но когда мы подошли къ городу, то въ глазахъ нашихъ, по другую сторону, происходила жаркая свалка. Невѣровскій, съ своими остатками, припертъ былъ уже къ самой стѣнѣ города; гренадеры были высланы къ нему на подкрѣпленіе и удержали французовъ. Справедливо-ли, но какъ тогда, такъ и послѣ слышалъ я, что возможностью подкрѣпленія Невѣровскаго гренадерами опять руководилъ случай. Гренадерами командовалъ принцъ Мевленбургскій. Вечеромъ, 2-го числа, когда была прислана въ его дивизію дислокація о походѣ, онъ такъ вѣриво спалъ, что его долго не могли добудиться; будили въ нѣсколько пріемовъ, что взяло времени около 2-хъ часовъ, и двумя часами дивизія запоздала выступленіемъ; а это опаздываніе, вмѣсто вреда, обратилось къ нашей выгодѣ. Еслибы гренадеры были нѣсколько верстъ далѣе на походѣ, французы, отгѣснивши Невѣровскаго, непременно бы заняли Смоленскъ и были бы уже въ тылу нашихъ.

Бой 3-го и 4-го августа происходилъ въ виду нашихъ армій, которыя, въ теченіе 2-хъ недѣль, стояли тыломъ въ Смоленску, а лицомъ—къ Петербургу; теперъ же, когда дрались за Смоленскъ, мы стояли уже повернувшись на своей оси. Наша бригада въ резервѣ стала на лѣвомъ флангѣ, противъ Раевского пролома, и одна изъ ротъ, вмѣстѣ съ нами составлявшая резервъ артиллерійскій, подполковника Нилуса, была отдѣлена отъ насъ и съ этого берега Дя́бъра фланкировала стѣну города, у этого пролома, съ большею, конечно, славою, но безъ всякой для себя опасности; ибо въ то время, когда французскія колонны, пользуясь кустарниками и рытвинами, съ этой стороны стали спускаться въ обходъ стѣны въ пролому, удачными выстрѣлами Нилусовой батареи были удержаны и не дошли до Дя́бъра, а потому не могли на этотъ разъ отрѣзать и уничтожить переправу для бывшихъ за Смоленскомъ нашихъ войскъ. Но до Нилусовой батареи не долетало ни одно непріятельское ядро, ибо она стояла гораздо выше той французской батареи, которая была направлена противъ нея.

Нашею бригадою, за отдѣленіемъ Ермолова въ важнѣйшимъ занятіямъ, командовалъ полковникъ Эйлеръ. 3-го августа, когда

мы заняли нашу позицію, онъ, подойдя къ моему бивуаку, вызвалъ меня и сказалъ:

— «Ты хорошо знаешь, Иванъ Степановичъ, церковную службу, и вѣрно знаешь, какое читаютъ евангеліе, когда служатъ молебень Божіей матери? Правда-ли, что тутъ говорится, что она пробудетъ въ отсутствіи изъ дома три мѣсяца и потомъ возвратится опять въ себя?»

Я отвѣчалъ, что хотя и говорится о трехъ мѣсяцахъ, но это уже въ прошедшемъ, а не въ будущемъ отношеніи, и повторилъ ему буквально выраженіе этого текста евангелія.

Онъ мнѣ тутъ же прибавилъ:

— «Ну, вотъ теперь на этомъ текстѣ основываютъ нашу надежду! Говорятъ, что мы Смоленскъ отдадимъ французамъ, но черезъ три мѣсяца опять будемъ тутъ же.»

Тотчасъ вынесли чудотворный образъ Божіей матери изъ церкви, что надъ Днѣпровскими воротами и при этомъ шли непрестанныя молебны, причемъ всѣ повторяли эти слова.¹⁾

Въ то время, когда происходила самая жаркая битва въ Смоленскѣ, который переходилъ на глазахъ нашихъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, и когда городъ весь былъ объятъ пламенемъ,— я увидѣлъ Барклая, подѣхавшаго къ батарее Нилуса и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ смотрѣвшаго на двигавшіяся неприятельскія колонны, въ обходъ Раевского, и отдававшего свои приказанія.... Но какая злость и негодование были у каждаго на него въ эту минуту за наши постоянныя отступленія, за Смоленскій пожаръ, за раззореніе нашихъ родныхъ, за то, что онъ не русскій! Все, навигѣвшее у насъ, выражалось въ глазахъ нашихъ, а онъ, по прежнему, безстрастно, громко, отчетливо, отдавалъ приказанія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на насъ. Тутъ вдругъ увидѣли, что по мостамъ переходятъ войска наши на эту сторону Днѣпра, за ними толпою тащатся на повозкахъ и цѣпными бѣдные смоленскіе обыватели; резервъ нашъ передви-

¹⁾ Образъ этотъ былъ теперь у насъ въ резервѣ, при ротѣ Нилуса, при которой онъ и находился въ теченіе всего похода до возвращенія въ Смоленскъ. Пророчество это, переданное мнѣ Эйлеромъ 3-го августа, на позиціи подъ Смоленскомъ, дѣйствительно сбылось, ибо Смоленскъ занятъ обратно 3-го ноября, в образъ этого именно числа, внесень опять на Смоленскую стѣну....

нулся за 5 верстъ на дорогу, идущую въ Порѣчье, и двѣ батареинныя роты наши заняли возвышеніе, въ перерѣзъ большой дороги, а позади расположились гвардейскіе кавалерійскіе полки. Толпы несчастныхъ смолянъ, рассыпавшихся по полю безъ крова, пріюта, по немногу собирались сзади, около насъ, чтобы продолжать далѣе свое тяжелое странствованіе. Крики дѣтей, рыданія раздирали нашу душу, и у многихъ изъ насъ пробилась невольна слеза и вырвалось не одно проклятіе тому, вою мы всѣ считали главнымъ виновникомъ этого бѣдствія. Здѣсь я самъ слышалъ, своими ушами, какъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ нашей батарее, около которой столпилось много смолянъ, утѣшалъ ихъ сими словами: «Что дѣлать, друзья! Мы не виноваты. Не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ. А мы, и больно, но должны слушать его! У меня не менѣе вашего сердце надрывается».

Когда такія слова вырывались изъ груди брата царева, что должны были чувствовать и что могли говорить низшаго слоя люди?

Ропотъ былъ гласный, но духъ Барклая ни мало не поколебался и онъ все хранилъ одинаковое хладнокровіе; только изъ Дорогобужа онъ отправилъ великаго князя съ депешами къ государю, удостовѣривъ его, что этого порученія, по важности, онъ никому другому довѣрить не можетъ. Великій князь, какъ говорить, рвалъ на себѣ волосы и сравнивалъ свое отправление съ должностію фельдгегера. Въ этомъ случаѣ, Барклая обвинять нельзя. Трудно повелѣвать надъ старшими себя и отвѣчать за нихъ же. А великій князь и Багратионъ были старѣе Барклая; и они оба роитали не менѣе другихъ.

На этой позиціи мы простояли только нѣсколько часовъ, потомъ насъ повели по дорогѣ на Духовщину. Едва мы сдѣлали нѣсколько верстъ, какъ насъ своротили по проселку, на большую дорогу изъ Смоленска въ Москву. Проселкомъ мы шли около 20-ти верстъ, и на дорогѣ имѣли ночлегъ. Этотъ переходъ былъ до такой степени затруднителенъ, что колонны безпрестанно останавливались, ибо, кромѣ того, что по этой дорогѣ едва-едва могла пробраться крестьянская телѣга въ одиночку, — до такой степени она была узка, — она, сверхъ того, была вся въ горахъ и

пересѣчена источниками, на которыхъ еле держались мосты, а другіе-таки просто обрушивались подъ орудіями. Наконецъ, мы стали вытягиваться на большую дорогу въ 16-ти или 18-ти верстахъ отъ Смоленска.

Послѣ слышалъ я сужденіе Ермолова, что здѣсь была самая важная ошибка въ эту кампанію. Багратіонъ шель уже по Московской дорогѣ; мы были въ гористыхъ ущельяхъ; французы, хотя и не перешли Днѣпра, но уже стояли почти противу того пункта, гдѣ мы гусемъ выходили изъ ущелья, и у нихъ подъ носомъ былъ бродъ; такъ что, ежели бы Жюно схватился и перешель чрезъ Днѣпръ, мы всѣ живьемъ были бы перехвачены или самое лучшее еще—отрѣзаны опять отъ Багратіона и отброшены въ Духовщинѣ, тогда бы намъ другаго пути не было, какъ идти на Бѣлую и оттуда исвать случая вновь соединиться съ Багратіономъ. Но, въ нашему счастью, казаки, не помню теперь, подъ командою Исаева или Карцова, цѣпью своей такъ хорошо закрывали наше критическое положеніе и удерживали натиски французской кавалеріи, переправленной, безъ пѣхоты, за Днѣпръ, что мы этому обязаны своимъ спасеніемъ. Когда мы вышли на большую дорогу, тогда гренадеры обращены были къ Валутиной горѣ и тамъ, твердостью своею, загородили путь французскому напору въ преслѣдованіи насъ.

Выйдя на большую дорогу, мы благополучно слѣдовали къ Дорогобужу. Здѣсь со мной встрѣтился странный случай. Гола за четыре, бывши въ отпуску, ѣдиль я изъ Смоленска, проселкомъ, къ дядѣ моему, въ деревню Михайловку, находящуюся верстахъ въ 8-ми отъ Дорогобужа, въ сторону къ Смоленску. Въ Дорогобужѣ я не былъ и мѣстности не зналъ. Когда мы теперь пришли къ Дорогобужу, насъ поставили въ позицію: разумѣется, армія впереди, а резервъ — позади ея. Меня откомандировали фуражировать въ тылу нашихъ. Я поѣхалъ по проселку и сдѣлалъ версть 10. Приѣхавши въ одну деревню, приказалъ командѣ отправиться по дворамъ для отысканія овса и сѣна, а самъ остался у входа въ селеніе. Вдругъ подходитъ ко мнѣ человекъ и называетъ меня по имени. Не узнавши его, я спрашиваю, кто онъ и что ему нужно? Онъ отвѣчаетъ, что онъ—человѣкъ моего дяди и что удивляется, какъ я приѣхалъ на эту дорогу за французами, ибо французы въ 2-хъ верстахъ отсюда по дорогѣ отъ

Ельни къ Дорогобужу. Изъ словъ его замѣчая, что французы обходятъ уже Дорогобужь, я сталъ подробнѣе его разспрашивать, и за чѣмъ онъ самъ тутъ, ибо я полагалъ, что деревня дяди, Михайловка, уже нами пройдена и находится впереди нашей линіи. Какъ же я удивился, и вмѣстѣ съ этимъ испугался, когда онъ удостовѣрилъ, что эта и есть самая деревня дяди и что я, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ тылъ арміи, самъ теперь нахожусь впереди оной и почти на носу у французовъ! Собравши фуражировъ, я пошелъ на рыскахъ къ ротѣ, но роту уже не нашель на старомъ мѣстѣ, а на новой позиціи, и въ проѣздъ мой я уже перерѣзалъ передовую линію. Это обстоятельство долго было для меня загадкой; но въ 1830 году, когда я служилъ въ Тулѣ и Ермоловъ былъ у меня, въ разговорѣ съ нимъ, я воснулъ этого обстоятельства и онъ вдругъ остановилъ меня вопросомъ: «Какъ ты знаешь это? Вѣдь это наша государственная тайна! За нее Багратионъ настаивалъ, чтобы нашего тогдашняго генераль-квартирмейстера Толля, ежели не разстрѣлять, то, по крайней мѣрѣ, облечь въ «бѣлый крестъ»¹⁾ (т. е. разжаловать въ солдаты), ибо онъ расположилъ подъ Дорогобужемъ армію такъ, что она стояла тыломъ къ французамъ, а лицомъ—къ Москвѣ.» Я объяснилъ Ермолову все мною написанное выше.

По прибытіи къ арміи—Кутузова, духъ солдатъ ожилъ и мы положительно уже стали приготовляться къ сраженію. Около Бородина первая наша позиція, т. е. резерва, была лѣвѣе, сзади онаго, и 24-го числа я тутъ встрѣтилъ Б. Н. Гольцова, мужа старшей сестры моей невѣсты; онъ сообщилъ мнѣ послѣднее о ней свѣдѣніе, которое я имѣлъ въ Россіи, и чрезъ него я написалъ къ ней. Въ этотъ день французы дѣлали большое обозрѣніе нашихъ войскъ и упорно насъ атаковали, такъ что ядра ихъ ложились даже у насъ, въ резервѣ, около нашихъ орудій, хотя и безъ вреда намъ. Того же числа насъ подвинули впередъ, къ самой линіи, и расположили насъ на лѣвомъ флангѣ арміи, гдѣ мы и провели все 25-е августа 1812 г.

26-го августа, по утру съ зарею, раздался первый пушечный выстрѣлъ, и этотъ звукъ уже не прерывался до захожденія солнца.

¹⁾ Въ то время ремни, поддерживающіе ранцы, были бѣлые и сходились крестъ-на-крестъ на груди у солдатъ,—вотъ на что намекалъ Ермоловъ.

При самомъ началѣ, рота наша хотя и не была въ линіи и стояла позади батарейной роты гр. Аравчеева, но ядра долетали до насъ и много насъ тревожили; одно изъ нихъ разбило колесо подъ однимъ орудіемъ и, сдѣлавъ рикошетъ, поднялось прямо надъ моей головой, такъ что повышение онаго отъ земли мнѣ было видимо и я, едва успѣвъ присѣсть, почувствовала, что воздухомъ отъ полета ядра какъ будто ударило меня въ поясницу, отчего я весь согнулся. Солдаты закричали: «поручика убило!» но я, выпрямившись, отвѣчалъ: «Погодите, ребята! Мы еще не у мѣста. Вотъ посмотримъ, что будетъ, когда сами будемъ въ дѣлѣ!» Часа два мы были на этомъ мѣстѣ, потомъ намъ приказано было отойти назадъ, сближаясь съ центромъ. Тутъ мы простояли часу до перваго, внѣ выстрѣловъ, и успѣли даже пообѣдать. Но едва кончили нашу закуску, какъ подъѣхалъ какой-то адъютантъ. Послѣ мы узнали, что это былъ одинъ изъ адъютантовъ Дохтурова — Дохтуровъ же.

— «Гдѣ здѣсь батарейная рота капитана Гогеля?» закричалъ онъ.

Я и поручикъ Столыпинъ вскочили и подбѣжали къ нему; закричавъ: «Наша!» Гогель же началъ объясняться, что хотя это рота и его, но она не батарейная, а легкая. Не различая этого, Дохтуровъ сказалъ намъ, что мы должны идти на лѣвый флангъ, гдѣ намъ онъ укажетъ мѣсто. Гогель сталъ-было затрудняться, но мы, а вмѣстѣ и всѣ прочіе офицеры настояли, чтобы идти туда. Дохтуровъ поѣхалъ впередъ и повелъ насъ кустарниками, почти безъ дороги; а какъ въ этомъ пунетѣ ядра ложились въ учащенномъ количествѣ, то нашъ вожатый началъ забирать лѣвѣе и лѣвѣе, дабы выйти изъ-подъ выстрѣловъ. Но едва мы вышли изъ кустовъ, какъ по насъ раздался залпъ и мы прямо очутились предъ двухъ-ярусной непріятельской батареею. Адъютантъ поскакалъ назадъ. Гогель смѣшался, крича ему въ слѣдъ: «Покажите намъ мѣсто!» Я же, будучи впереди, при первомъ орудіи, тронулся, скомандовавъ: «рысью», и, втянувшись въ интервалъ двухъ колонъ въ линіи, закричалъ: «выстраиваться въ лѣво!» Нижняго яруса непріятельская батарея дала нѣсколько выстрѣловъ картечью, а верхняя пустила ядрами, такъ что въ одно время ядромъ убило лошадь подъ Гогелемъ и оконтузило картечью подпоручика Ваксмута, который былъ при сосѣднихъ отъ меня

орудіяхъ. Мы распорядились сами и открыли огонь. Нижняго яруса батарея тотчасъ же отошла къ верхней, но зато ядра просто посыпались на насъ, какъ градъ—и мы едва-едва простояли съ часъ. Множество людей выбыло изъ фронта, довольно перебито лошадей и подбито 3 или 4 лафета.

Гогель давно уже послалъ извѣстить о нашемъ трудномъ положеніи и насъ смѣнила другая легкая рота Вельяминова; но какъ и онъ получилъ вонтузію, то этою ротою командовалъ Лодыгинъ. Когда подъ Гогелемъ убили лошадь, онъ былъ возле меня. Упавши вмѣстѣ съ конемъ, онъ едва выпуталъ ноги и, весь блѣдный, дотащился до меня. «Что же это ты, Александръ Григорьевичъ?» сказалъ я ему, «или тебѣ сѣдла не жаль? Вели снять, а то послѣ будетъ поздно!» и призывалъ это солдату сдѣлать; самъ же Гогель не въ состояніи былъ и этого приказать.

Когда нашу роту смѣнили, мы пошли на прежнее мѣсто, но уже другимъ и гораздо кратчайшимъ путемъ. Тутъ передъ сумерками подѣхалъ какой-то адъютантъ, сталъ разспрашивать насъ о нашихъ потеряхъ и поврежденіяхъ, записывая все карандашемъ, и объявилъ именемъ Кутузова, чтобы мы на завтра были бы готовы сами атаковать французовъ, чему мы очень вѣрили; но когда смерклось, то получили другое приказаніе — идти назадъ къ Можайску.

Подъ Можайскомъ, гдѣ всѣ наши 4 роты сошлись опять вмѣстѣ, возникъ споръ у офицеровъ батарейной роты его высочества съ Лодыгинымъ, который утверждалъ, что офицеры первой роты много прихвастываютъ, за что вступился подпоручикъ князь Михайла Горчаковъ и вызвалъ Лодыгина на дуэль. Они дрались на сабляхъ и Лодыгинъ получилъ рану въ руку, и за тѣмъ помирились. Поводомъ же къ спору послужило составленіе релянціи о сраженіи и представленіе къ наградамъ.

Когда мы дошли до Москвы, то на бивуакахъ, при деревнѣ Фили, 1-го сентября, Вельяминовъ, князь Горчаковъ, я и еще нѣсколько изъ нашихъ товарищей, обѣдали у поручика Столыпина. Передъ самымъ обѣдомъ зашелъ во мнѣ и къ Вельяминову артиллерійскій штабсъ-капитанъ Фигнеръ; мы его пригласили съ собой къ Столыпину, и тутъ зашелъ разговоръ, въ которомъ Фигнеръ съ горячностью сталъ утверждать, «что настоящая война — есть война народная; что она не можетъ быть ведена

на общихъ правилахъ; что ежели бы ему дали волю и дозволеніе выбрать челоувѣкъ 50 охотниковъ, онъ пробрался бы внутрь французскаго лагеря, до мѣста пребыванія Наполеона, и непременно бы убилъ его, и хотя увѣренъ, что и самъ бы живъ не остался, но охотно бы пожертвовалъ жизнью!»

Противъ этихъ мыслей возникло много возраженій и предположеніе это называли варварствомъ. Но когда кончился обѣдъ, Фигнеръ обратился съ просьбой въ Вельяминову, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ начальнику штаба, Ермолову, и поддержалъ бы его вызовъ на партизанство, что тотъ охотно исполнилъ.

2-го сентября 1812 г., противу всякаго ожиданія, въ ночь, мы оставили Москву и расположились по рязанской дорогѣ. Отсюда мы видѣли зарево пожара, уничтожавшаго нашу древнюю столицу. Черезъ нѣсколько дней, легкія роты были раздѣлены на половины, и мнѣ съ одною изъ таковыхъ пришлось состоять при Семеновскомъ полку, которымъ тогда командовалъ полковникъ Посниковъ. Впрочемъ, это причисленіе ничего особеннаго не значило, ибо во время похода рота всегда соединялась вмѣстѣ, а только при квартирномъ расположеніи, на возвратномъ походѣ, каждая половина располагалась вмѣстѣ съ полкомъ. Полковникъ Посниковъ былъ такъ ко мнѣ внимателенъ, что нѣсколько разъ приглашалъ меня квартировать съ собой.

Съ рязанской дороги, мы, боковыми трактами, перешли на валужскую, около города Подольска, а потомъ подались черезъ Тарутино до деревни Латышевки, гдѣ была главная квартира Кутузова, а гвардія передъ этой деревней—на бивуакахъ. Мы простояли на одномъ мѣстѣ до 6-го октября.

6-го октября было извѣстное дѣло подъ Тарутинымъ. Какъ ни маловажно было это дѣло по своему исходу, какъ ни старалось все начальство путать, гдѣ безъ пользы погибъ достойный сожалѣнія храбрый генералъ Багговутъ, тѣмъ не менѣе, мы всѣ въ лагерѣ ликовали этой побѣдѣ. Во-первыхъ, это была, если можно сказать, наша первая побѣда надъ французами, которые отъ насъ бѣжали, между тѣмъ какъ мы до сего времени все отъ нихъ уходили, и во-вторыхъ, значить, чувствовали себя уже на столько сильными, а французовъ не такими грозными, что перешли въ наступленіе.

Въ лагерѣ много продавалось казаками изъ вещей, принадлежавшихъ неаполитанскому королю Мюрату, весь обозъ котораго былъ захваченъ казаками и разграбленъ. Пришелъ мнѣ на память одинъ замѣчательный случай: въ числѣ продаваемыхъ вещей былъ какой-то темно-пунцовый бархатный кафтанъ Мюрата, вышитый на груди, на спинѣ и по подолу золотомъ, отороченный какимъ-то мѣхомъ, и тавого же цвѣта бархатная шапка, на манеръ конфедератовъ, но безъ пера; все это купилъ за ничтожную цѣну, кажется за 5 рублей, офицеръ нашей бригады, Добрынинъ, и послѣ одной попойки, происходившей у князя Горчакова, когда уже порядочно нагрузились, пришла шутковская мысль намъ одѣть Добрынина въ мюратовское платье, воткнуть въ шапку, вмѣсто недостающаго пера, красный пампонтъ музкантескій и въ такомъ нарядѣ пустить его по всему лагерю. Эффектъ произошелъ необыкновенный! Гдѣ мы ни проходили, всѣ выбѣгали изъ палатокъ и съ хохотомъ присоединялись къ намъ. Дежурный генералъ Коновницынъ, Кайсаровъ и многіе другіе изъ штабныхъ и близвѣхъ лицъ главнокомандующаго разделяли нашу общую веселость.

Вдругъ показались дрожки и на нихъ Кутузовъ, который съ изумленіемъ глядитъ на эту толпу, которая съ хохотомъ и шутками приближается къ нему. Онъ остановился, зоветъ къ себѣ Добрынина и спрашиваетъ: кто онъ таковой? Тотъ называетъ себя и на новый вопросъ: офицеръ онъ или нѣтъ? отвѣчаетъ, что онъ офицеръ.

— «Стыдно, господинъ офицеръ», громко и явственно заговорилъ Кутузовъ, глядя сердито на несчастнаго Добрынина, а равно и на всѣхъ насъ. «Не подобаетъ и неприлично русскому офицеру наряжаться шутомъ, а вамъ всѣмъ этимъ потѣшаться, когда врагъ у насъ сидитъ въ матушкѣ-Москвѣ и полчища его топчутъ нашу родную землю. Плакать нужно, молиться, а не комедіи представлять; повторяю вамъ всѣмъ, что стыдно! Такъ и передайте всѣмъ своимъ товарищамъ, кого здѣсь нѣтъ, что старику Кутузову въ первый разъ въ жизни случилось покраснѣть за своихъ боевыхъ товарищей. Ступайте, такъ и скажите, что я за васъ покраснѣлъ! А ты, голубчикъ» — продолжалъ Кутузовъ обращаясь къ Добрынину, который стоялъ все время какъ ошаренный — «ступай поскорѣе къ себѣ домой, переменяй

это дурацкое платье и отдай его поскорѣ кому-нибудь, чтобы оно не кололо тебѣ глаза.»

Можете себѣ представить, какъ мы себя чувствовали послѣ такого неожиданнаго урока и какъ всѣмъ намъ было совѣстно глядѣть другъ другу въ глаза! Куда дѣвался и хмѣль!

Въ ночь съ 11-го на 12-е октября мы пошли къ Малому-Ярославцу, на перерѣзъ пути французской арміи.

Подъ Малымъ-Ярославцемъ сраженіе происходило въ виду нашемъ и на походѣ одно непріятельское ядро упало на мою батарею. Это было единственное ядро, которое удостоило долетѣть до гвардіи.

Къ ночи, за моей батареею разбита была палатка, принадлежавшая Семеновскаго полка штабсъ-капитану Кошкареву; въ ней почевалъ Кутузовъ. Около 10-ти часовъ вечера, когда онъ, вѣроятно, начиналъ засыпать, вдругъ пальба, превратившаяся совершенно у города часу въ восьмомъ, внезапно открылась въ большомъ размѣрѣ. Кутузовъ вышелъ изъ палатки и съ сердцемъ сказалъ:

— «Охъ, ужъ этотъ мнѣ Дмитрій Сергѣевичъ (Дохтуровъ), и уснуть не дастъ! Оставилъ бы ихъ, проклятыхъ, въ покоѣ. Кашваровъ! Пошли узнать, что это за тревога?» Потомъ, войдя въ палатку, онъ проспалъ уже до разсвѣта, до новаго похода.

На одномъ изъ маршей, Кутузовъ, на дрожжахъ, подѣхавъ къ Семеновскому полку, впереди котораго ѣхали верхомъ Посниковъ, я и другіе ближайшіе офицеры, объявилъ намъ, что перехваченъ курьеръ, везшій извѣстіе къ Наполеону о Маллетовскомъ заговорѣ, возникшемъ въ Парижѣ. Рассказавъ подробно обстоятельства этого дѣла, онъ прибавилъ: «я думаю, собачьему сыну эта вѣсточка не по нутру будетъ. Вотъ что значитъ не законная, а захваченная власть!»

Кутузовъ былъ вообще краснорѣчивъ; но при солдатахъ и съ офицерами онъ всегда говорилъ такимъ языкомъ, который бы имъ врѣзывался въ память и ложился бы прямо на сердце.

Въ одну деревню, гдѣ назначена была квартира для Семеновскаго полка и вмѣстѣ главная квартира Кутузова, онъ пріѣхалъ впередъ одинъ, въ крытыхъ саняхъ, парюю, и съ конвоемъ двухъ только казаковъ. Сани вѣхали во дворъ, а самъ онъ вошелъ въ избу и усѣлся на скамьѣ. Квартиргеръ полка, подпоруч-

чикъ Буйницкій, прибывшій туда незадолго, для занятія квартиръ, внезапно вбѣжалъ въ ту же избу и, найдя неожиданно главнокомандующаго, оробѣлъ и спѣшилъ выдти. Кутузовъ остановилъ его и спросилъ:

— «Какого полка и что тебѣ надобно, мой другъ?»

Буйницкій отвѣчалъ: «Семеновскаго, прибылъ для занятія квартиръ».

— «Чего же ты испугался меня и бѣжишь вонъ», продолжалъ Кутузовъ, «а еще гвардеецъ, и не нашелся! Обожди. Присядь со мной и побесѣдуемъ вмѣстѣ. Успѣешь еще занять квартиры—полкъ далеко». Усадилъ его съ собой и продержалъ съ четверть часа.

Такъ какъ я пишу здѣсь не реляціи, а то, что случилось со мной, или что до слуха моего доходило необыкновеннаго, то, не вдаваясь въ подробности преслѣдованія непріятеля отъ Малаго-Ярославца до Краснаго, въ которомъ мнѣ ни разу не пришлось дѣйствовать, перейду просто уже къ Красному.

3-го ноября мы подошли къ Красному. Тутъ, послѣ сильныхъ морозовъ, начавшихся отъ Вязьмы и продолжавшихся дней 10-ть, сдѣлалась сильная оттепель. На дневкѣ, вечеромъ, часу въ пятомъ, Кутузовъ объѣзжая бивуаки, подѣхалъ къ Семеновскому полку. За нимъ ѣхало человекъ пять генераловъ, въ числѣ которыхъ были принцъ Александръ Виртембергскій, Опперманъ и Лавровъ, а позади ихъ семь человекъ конногвардейцевъ везли отбитые у непріятеля знамена.

— «Здравствуйте, молодцы-семеновцы!» закричалъ Кутузовъ. «Поздравляю васъ съ новою побѣдою надъ непріателемъ. Вотъ и гостинцы везу вамъ! Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже! пускай кланяются молодцамъ! Матвѣй Ивановичъ Платовъ доносить мнѣ, что сегодня взялъ 115-ть пушекъ и сколько-то генераловъ... не помнишь-ли ты, Опперманъ, сколько именно?»

Опперманъ отвѣчалъ: «15-ть».

— «Слышите-ли, мои друзья, 15-ть, т. е., 15-ть генераловъ! Ну, если бы у насъ взяли столько, то остальныхъ сколько бы осталось? Вотъ, братцы, пушки пересчитать можно на мѣстѣ, да и тутъ не вѣрится; а въ Питерѣ скажутъ: «хвастаютъ!»

Затѣмъ Кутузовъ подѣхалъ къ палаткѣ генерала Лаврова, командовавшаго въ то время 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей

и расположившагося за Семеновскимъ полкомъ. Кутузовъ и прочіе генералы сошли съ лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тутъ же кирасиры сошли съ лошадей, стали въ кружокъ и составили изъ знаменъ навѣсъ, въ родѣ шатра. Кто-то изъ офицеровъ, подойдя къ знаменамъ, сталъ читать надписи, на одномъ изъ нихъ, вслухъ всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ отличался тотъ полкъ, которому принадлежало знамя, и въ числѣ прочихъ побѣдъ прочелъ: «Аустерлицъ!»

— «Что тамъ», спросилъ Кутузовъ, «Аустерлицъ? Да, правда! Жарко было и подъ Аустерлицемъ! Но омываю руки мои предъ всѣмъ войскомъ: неповинны онѣ въ крови аустерлицкой! Вотъ, хотя бы и теперь, къ слову, не далѣе какъ вчера, я получилъ выговоръ за то, что капитанамъ гвардейскихъ полковъ, за Бородинское сраженіе, далъ брилліантовые кресты въ награду. Говорятъ, что брилліанты—принадлежность кабинета и что я нарушаю предоставленное мнѣ право. Правда, и въ этомъ я безъ вины виноватъ. Но ежели по совѣсти разобрать, то теперь каждый, не только старый солдатъ, но даже и послѣдній ратникъ, столько заслужили, что осыпъ ихъ алмазами, то они все еще не будутъ достаточно награждены. Ну, да что и говорить! Истинная награда не въ крестахъ или алмазахъ, а просто въ совѣсти нашей. Вотъ здѣсь встаетъ я расскажу о дошедшей мнѣ наградѣ. Послѣ взятія Измаила, я получилъ звѣзду св. Георгія; тогда эта награда была въ большой чести. Я думаю, здѣсь есть еще люди, которые помнятъ молодаго Кутузова. (Тутъ Кутузовъ вздернулъ носъ къверху). Нѣтъ? Ну, послѣ! Когда мнѣ матушка-царица приказала прибыть въ Царское Село, въ себѣ, я поспѣшилъ выполнить ея приказаніе—поѣхалъ. Приѣзжаю въ Царское. Приемъ мнѣ былъ назначенъ парадный. Я вхожу въ залу въ одну, въ другую, всѣ смотрятъ на меня, а ни на кого и смотрѣть не хочу. Иду себѣ и думаю, что у меня Георгій на груди? Дохожу до кабинета, открываются двери; что со мною случилось? И теперь еще не опомнюсь! Я забылъ и Георгія, и то, что я Кутузовъ. Я ничего не видѣлъ, кромѣ небесныхъ, голубыхъ очей, кромѣ царскаго взора Екатерины. Вотъ была награда!» И съ чувствомъ, постепенно понижая голосъ,¹⁾ Кутузовъ приостановился—и все кругомъ его молчало.

¹⁾ Зачеркнуто: «какъ актеръ».

Потомъ весь этотъ разсказъ онъ повторилъ на французскомъ языкѣ принцу Александру Виртембергскому, видимо съ цѣлью, чтобы отъ него перешло это выше—въ Петербургъ....

Тутъ одинъ изъ офицеровъ Семеновскаго полка сказалъ громко:

— «Не правда-ли, какъ эта сцена походитъ на сцену изъ трагедіи «Дмитрій Донской» (трагедія Озерова)!

Посыпковъ закричалъ: «Ура! спасителю Россіи!» и громкое «ура» понеслось и разлилось по всему войску. Столь неожиданный возгласъ тронулъ каждого изъ присутствующихъ, а Кутузова, впрочемъ, болѣе всѣхъ.

Онъ вдругъ всталъ на скамейку и закричалъ: «Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мнѣ эта честь, а слава русскому солдату!» и потомъ, бросивъ вверхъ свою фуражку и сильно возвысивъ свой голосъ, закричалъ: «Ура! ура! ура! доброму русскому солдату....»

Потомъ, когда «ура» утихло, Кутузовъ усѣлся опять на скамью и, обращаясь къ Лаврову, продолжалъ такъ:

— «Гдѣ это собачій сынъ сегодня почуетъ? Я знаю, что въ Лядахъ онъ не уснетъ покойно. Александръ Ниевичъ (партизанъ Сеславинъ, въ это время только капитанъ гвардіи) далъ мнѣ слово, что онъ сегодня не дастъ ему покоя. Вотъ послушайте, господа, какую мнѣ прислалъ побасенку нашъ краснобай Крыловъ: Собрался волкъ на псарню, псовъ потревожить. Войди-то онъ вошелъ, да вотъ какъ пришлось выбираться отсюда—давай за умъ! Собаки на него стаю, а онъ въ уголь, оцетинился и говоритъ: «Что вы, друзья! За что это вы на меня? Я не врагъ вамъ. Пришелъ только посмотреть, что у васъ дѣлается, а вотъ сейчасъ и вонъ пойду». Но тутъ подошелъ псарь, да и отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, братъ волчище, не проведешь тебѣ насъ! Правда! ты сѣрый умень, но и я, дружище, сѣдъ уже и не глупѣе тебя»; (тутъ Кутузовъ снялъ шапку и рукою, кругомъ головы, показалъ сѣдины свои), «не уберешься такъ легко отсюда, «какъ пришелъ сюда!—и пустилъ стаю псовъ на него»,—прибавилъ онъ. Громкое «ура» повторилось вновь по войску!...

Эта сцена разсказана не вполнѣ вѣрно Данилевскимъ въ его «Исторіи войны 1812 года» со словъ Ваксмута, бывшаго въ моей полуротѣ подпоручикомъ и находившагося тутъ же, вмѣстѣ со мной. Здѣсь сцена эта описана съ историческою вѣрностью.

Около Краснаго, верстахъ въ 12-ти, находится деревня моего двоюроднаго брата Платона Васильевича Жиркевича. Въ молодыхъ лѣтахъ, дослужившись до чина надворнаго совѣтника и въ званіи оберъ-секретаря сената, онъ, женившись, оставилъ службу. Не зная никакого языка, кромѣ русскаго, безъ особеннаго образованія, онъ слылъ всегда, однакоже, умнымъ и дѣловымъ человѣкомъ и неоднократно приглашаемъ былъ дворянствомъ и начальствомъ на службу, по выборамъ, но рѣшительно и всегда отъ сего отказывался; занимался же болѣе всего торговлей, сплавляя изъ Порѣчья хлѣбъ, по Двинѣ, въ Ригу. Въ 1812 году у него скопилось хлѣба въ Ригѣ 2-хъ-годовая пропорція, по случаю запрещенія вывоза онаго за границу. Когда открылась кампанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, можно было предполагать, что хлѣбъ примутъ въ казну, и онъ въ началѣ іюня, лично для сего отправился въ Ригу. Но какою же былъ ему сюрпризъ, когда, вмѣсто обращенія на продовольствіе, приказано было всѣ магазины, на форштатѣ, предъ крѣпостью, гдѣ былъ сложенъ и его хлѣбъ — предать огню! И онъ, бѣдняга, оставивъ дома беременную жену на снося, долженъ былъ немедленно выбраться изъ Риги и двѣ станціи шелъ пѣшкомъ. Въ Смоленску онъ прибылъ 1-го или 2-го августа и нашелъ жену уже въ Смоленскѣ. На вопросъ, какъ и когда она туда прибыла?—она отвѣчала ему, что только наканунѣ выбралась изъ дома и ровно ничего не взяла съ собой. Проводивъ жену къ одному родному своему, версть за 20, за Смоленскъ, онъ верхомъ поспѣшилъ къ себѣ въ деревню, чтобы захватить серебро и часть одежды. Но едва добрался до дома, какъ окруженъ былъ французами и посаженъ подъ присмотръ. Жена его родила 6-го августа. Когда французы положительно заняли всю Смоленскую губернію, тогда она отправилась обратно къ мужу, который, присутствіемъ своимъ въ деревнѣ, спасъ свое имущество отъ расхищенія вполне, такъ какъ въ нему въ домъ поставленъ былъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, караулъ для присмотра за нимъ; а за тѣмъ, по неимѣнію въ виду значительныхъ помѣщиковъ и по знанію о личномъ уваженіи въ нему сосѣдей, онъ былъ назначенъ французскимъ начальствомъ подпрефектомъ Смоленской провинціи. Префектомъ же былъ опредѣленъ нѣкто Г. (В.) Сольтсдой (?), помѣщикъ Могилевской губерніи.

Когда мы расположились у Краснаго и узнавъ, что мы бу-

дежь днєвать тутъ, я отпросился у полковника съѣздить въ деревню брата, узнать что-нибудь объ его участи, и каково же было мое удивленіе, когда я засталъ тамъ все семейство и услышалъ всѣ подробности, выше мною описанныя. Я тотчасъ посовѣтовалъ брату ѣхать въ главную квартиру и тамъ объяснить все дѣло. Послѣдствія были очень непріятныя для него, и только одинъ милостивый манифестъ 12-го декабря успокоилъ его личность, хотя совѣсть нисколько и никогда его не упрекала. Свиданіе же мое съ нимъ доставило мнѣ нѣсколько удовольствія, а важнѣе всего я получилъ тулупъ, хотя простой и крытый затрапезою, но когда я явился въ немъ на бивуаки, товарищи мои встрѣтили меня съ большою завистью.

По возвращеніи моемъ къ ротѣ, узналъ я, что капитанъ мой Гогель, который оставался старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ при гвардіи, получилъ приказаніе — отрядить одну полуроту съ егерскимъ полкомъ, назначеннымъ въ особый отрядъ, для встрѣчи идущей отъ Смоленска къ Красному, французской колонны. Я убѣдительно просилъ его командировать меня туда, но онъ отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не можетъ самъ остаться только при 6-ти орудіяхъ своей роты, бывши начальникомъ, когда другая рота, состоящая въ его командѣ, будетъ оставаться безъ раздробленія, въ комплектѣ, и назначилъ изъ той роты Вельяминова, а при немъ — Лодыгина и Зварковскаго.

Эта полурота, на другой день, не наведя на себя ни одного непріятельскаго выстрѣла, поврылась честью отличнаго подвига, такъ что Вельяминовъ и Лодыгинъ получили георгіевскіе кресты, а Зварковскій — золотую шпагу. На мою же долю только пришлось нѣсколько благосклонныхъ словъ прямо отъ Кутузова, и вотъ по какому случаю.

Послѣ оттепели, сдѣлался легкій морозецъ. На походѣ моя полурота перевозилась съ одной горы на другую и тутъ же подѣхалъ въ крытыхъ саниахъ Кутузовъ. Пара, везшая его, была не подкована, и при началѣ спуска съ горы одна лошадь упала. Я тотчасъ же приказалъ солдатамъ спустить сани съ горы и на себѣ поднять ихъ на другую сторону. Кутузовъ, увидя мою заботливость, велѣлъ подовать меня къ себѣ, и когда я подошелъ, спросилъ, какъ меня зовутъ? Получивъ отвѣтъ, сказалъ мнѣ: «Припомни, другъ мой Жиркевичъ, меня старика подъ старость.

Какъ ты меня бережешь, старика, такъ и тебя когда-нибудь беречь стануть!»

Въ этотъ же день я видѣлъ, до какой степени начали доходить съ одной стороны отчаяніе, а съ другой стороны ожесточеніе въ этой войнѣ. При выходѣ нашемъ на большую дорогу, путь нашъ пересѣлся гвардейскимъ егерскимъ полкомъ. Вдругъ я вижу, что въ рядахъ онаго преспокойно идетъ себѣ одинъ французскій солдатъ, съ ружьемъ на плечѣ. Онъ до такой степени былъ обезумѣвшимъ, что, конечно, полагалъ себя въ тылу своихъ товарищей. Но тутъ замѣтилъ его одинъ егерскій солдатъ и не говоря ни слова, прикладомъ ударилъ его по головѣ такъ, что тотъ, безъ чувствъ, упалъ на землю. Я сталъ строго за сіе выговаривать ударившему, но тотъ съ жестокостью возразилъ мнѣ:

— «Ваше благородіе! у меня не стало ни отца, ни матери отъ этихъ бестій; и другаго утѣшенія не имѣю, какъ не падить ни одного изъ нихъ; я поклялся передъ Богомъ въ этомъ».

Въ Копысѣ мы простояли три дня. Сюда прибылъ изъ Петербурга великій князь Константинъ Павловичъ, и первымъ приступомъ его къ начальству надъ гвардейскимъ корпусомъ было требованіе, чтобы офицеры не отступали, на походѣ, отъ установленной формы. Но главнокомандующій отдалъ приказъ противъ этого и требовалъ, чтобы каждый сберегалъ здоровье свое, одѣвался теплѣе, но избѣгалъ безобразія. Со всѣмъ тѣмъ, не взирая на то, что морозы доходили до 25°, великаго князя мы иначе не видали на походѣ, какъ веркомъ, въ шпензерѣ сверхъ мундира, и всегда въ шляпѣ.

Изъ Копыса мы опять пошли боевою дорогою и вышли на большую—уже у Ошмянъ. Здѣсь (верстъ 40 или 50 до Вильны) намъ представилось зрѣлище наужаснѣйшее, подобнаго которому не случалось никогда видѣть и на поляхъ битвъ... Морозы стояли постоянно около 30°, при жестокихъ мятеляхъ и вѣтрѣ, дувшемъ все время намъ въ лицо; слѣдовательно, и колонновожатые наши, т. е., французы, претерпѣвали ту же участь, но только съ тою разницею, что мы въ своемъ климатѣ болѣе или менѣе освоились съ этими непогодами, а имъ она была въ дивовишку и въ новинку. Но и у насъ было не безъ бѣдъ. Очень и очень часто случалось видѣть даже гвардейскихъ молодцовъ, замерзающихъ на дорогѣ, а пособить было нечѣмъ. Въ рядахъ

ослабѣетъ солдатъ, не можетъ идти, оставляютъ его за собою, въ ожиданіи слѣдующихъ за корпусомъ подводъ и обоза, а для присмотра за нимъ остается свѣжій и исправный товарищъ его. Но не только обывательскія, но даже обозныя лошади, не бывъ подкованы, по гололедицѣ едва передвигали ноги и только на дняхъ, или уже на другой день, утромъ, когда полки выходили въ новый походъ, достигали бывшего ночлега. А между тѣмъ, не только ослабѣвшій, но и оставшійся при немъ, засыпали сномъ вѣчнымъ, и эта смерть для слабаго была менѣе страшна, чѣмъ для бодрого человѣка, ибо послѣдній видитъ заблаговременно то, что и его ожидаетъ тоже самое, когда онъ начнетъ слабѣть.

Болѣе, нежели на 50 верстъ, не только по дорогѣ, но и въ стороны отъ селеній, виднѣлись однѣ лишь трубы да печи, а все, что только имѣлось въ деревнѣ удобосгораемаго, употреблено на топливо, и отъ Опшмянъ до Вильны нельзя было двухъ шаговъ пройти безъ того, чтобы не наткнуться на одинъ или на нѣсколько труповъ. Въ другихъ мѣстахъ видно было, что нѣкоторыхъ смерть заставляла на трупахъ ихъ товарищей въ то время, когда они готовились ими утолить свой голодъ. Еще ужаснѣе было видѣть, какъ десятками залѣзали въ самую середину костровъ и обгорѣвшіе, оставались въ такомъ положеніи. Другіе, не испустившіе еще послѣдняго дыханія, глѣли, буквально, на угольяхъ, не высказывая ни малѣйшаго страданія въ потухающихъ глазахъ.

Почти на каждахъ 20-ти саженьяхъ встрѣчалось или повинутое орудіе, или съ зарядами фура, и подъ ними по четыре, по три, по двѣ и одной лошади, съ упряжью, павшихъ. О взятіи этихъ фуръ или орудій на подводы, никто даже не имѣлъ помысленія, ибо каждый заботился о личномъ своемъ сохраненіи, или о сбереженіи ввѣренной ему команды. Счастливы были тотъ, у кого имѣлся тулупъ, какъ у меня, или кто еще не износилъ своей ватной шинели, а бѣдные солдаты, хотя въ Копысѣ и получили полусубы, но страшно терпѣли отъ несообразной, по времени года, обуви. Тогдашняя форма заключалась въ такъ-называемыхъ «кожаныхъ крагахъ», плотно облегающихъ иеру ноги и застегивающихся мѣдными пуговицами. Для красы, въ этомъ мѣстѣ не вставлялось сукно при панталонахъ, а приши-

вався кусокъ холста. А какъ солдатъ не имѣлъ возможности ничего подвертывать подъ враги, то тутъ и начиналось для него самое гибельное отъ стужи пораженіе. Мы, артиллеристы, были счастливѣе тѣмъ, что ранцы и кивера вляли на орудія и зарядные ящики, шли безъ ружей и съ тепло-покрытою головою, и дѣлали больше движенія; имѣли возможность на ходу одинъ другому пособлять и отогрѣвать отмороженные члены. Лошади у насъ ковались на шипы и мы всегда имѣли запасъ въ подковахъ. Вотъ примѣръ для будущихъ временъ. Боже сохрани еще отъ подобныхъ обстоятельствъ.

Въ Вильну мы пришли 5-го декабря 1812 г. Тутъ я узналъ, что мнѣ за Бородино дали орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Я квартировалъ на форштатѣ въ Вильнѣ; когда мнѣ случилось проходить въ городъ, я насчиталъ неубранныхъ до 20-ти труповъ. Потомъ, дня черезъ два, улицы въ городѣ и на форштатѣ очистились. Въ устроенныхъ французами лаваретахъ, въ канавахъ, на дворахъ, вблизи жилыхъ улицъ, валялось около 30,000 труповъ, которые вывозились, на лошадяхъ нашихъ, за городъ. Тамъ ихъ складывали въ востры и сжигали. Но хотя мы простояли въ Вильнѣ двадцать два дня и ежедневно совершалась подобная операція, все-таки осталось болѣе половины изъ нихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).